

Голос Юй Вэйчжэня в разлетевшихся по интернету «сарафанных» преysкурантах частных студий числился в самой дорогой категории, где расчёт шёл не по времени, а по предложениям. Чжан Тяньсинь подумал, что разговаривает тот очень изящно: мягко и в то же время с некоторым холодком, словно какой-то твердый драгоценный камень... самоцвет. А само слово «блин» в его устах звучало на редкость благозвучно.

996 тут же отозвалось: «Хозяин, ты сейчас случайно не вслух ли сказал? Ты же нечаянно озвучил мысли!»

Фраза «Жизнь моя кончена» закрутилась на кончике языка Чжан Тяньсиня, но он с железной волею сглотнул её обратно. Собеседник, казалось, не расслышал его невольной и дерзкой оценки; поприветствовав всех, Юй Вэйчжэнь чуть повернулся к стоявшей ближе прочих коллеге-женщине:

— ...Скажите, а этот господин Лю в последнее время сильно нервничает?

— Похоже, что да... Я слышала от наставника, что показатели в двух подконтрольных ему проектных группах в последнее время не радуют, хм... Да и контракт у него вроде бы скоро продлевать?

Она оглянулась на других стоявших рядом коллег, нерешительно ища у них подтверждения.

Истинно бескровная победа... В присутствии Юй Вэйчжэня мужчины и женщины словно бы сами собой теряли всякую бдительность. Подумав так, Чжан Тяньсинь ощутил, как по спине пробежал холодок, и мысленно настроился: когда тот обратится к нему за какой-нибудь информацией, нужно будет держать ухо востро и следить за каждым словом.

Спустя полминуты Юй Вэйчжэнь покинул их участок. Психологическая оборона Чжан Тяньсиня только-только выстроилась, как в награду ему достался лишь прощальный кивок.

— Хозяин, "сюжет" уже почти покидает компанию.

Заметив, что тот застыл на месте, словно потеряв дар речи, 996 подало голос.

Молча сделав шаг вперед и преодолев расстояние в два шага, Чжан Тяньсинь подошел к панорамному окну и глянул вниз. Их рабочие места располагались в фасадной части здания, а прямо под окнами находился въезд для служебных машин — как раз вовремя, чтобы застать вереницу черным-черна тонированных представительских авто, выстроившихся у крыльца.

Кому как не высшему руководству корпорации рассчитывать на такое: даже у служебных машин двери теперь с электроприводом, но всё равно рядом обязательно кто-нибудь дежурит, чтобы просто так, для вида, изобразить процесс открывания...

В следующий миг лицо его позеленело.

— Надеюсь, ты меня предупреждало, — цедил Чжан Тяньсинь сквозь зубы, выговаривая слово за словом. — Юй Вэйчжэнь и Гун Сюмин что, настолько близко знакомы?

Фигура Гун Сюмина бросалась в глаза слишком сильно: зажатый между генеральным директором и прочим топ-менеджментом, он выделялся массивной горной вершиной, и Чжан Тяньсинь без труда разглядел его даже с одиннадцатого этажа.

Что же до Юй Вэйчжэня — любой, кто хоть раз видел его в лицо, безошибочно вычленил его из любой толпы.

Главный герой маленького мирка в машину не сел; он стоял у главного входа с отрешенным видом, наблюдая, как руководство дочерней компании провожает начальство. До тех пор, пока не появился Юй Вэйчжэнь.

— По результатам сканирования, никакого физического контакта между ними не зафиксировано, — 996 приблизило картинку, еще ближе, и снова приблизило. — Дистанция сохраняется; колеблется в районе семидесяти сантиметров.

Дело не в расстоянии, не в расстоянии тут дело. И не в физическом контакте — никакой контакт им не нужен, да и зрение у Чжан Тяньсиня не настолько острое, чтобы за версту разглядеть их телодвижения, сколько он уже просидел перед монитором. Всё дело в атмосфере. На подсознательном уровне.

Система 996 смущенно внесла в память две новые пометки для анализа.

Гун Сюмин неотрывно, на уровне инстинктов, был обращен лицом к Юй Вэйчжэню.

— Взгляни на угол наклона их торсов, — произнес Чжан Тяньсинь.

Он вытащил телефон, сделал пару снимков и проводил взглядом удалявшихся друг за другом людей — они сели в одну машину, не обменявшись ни единым словом.

Система 996 тут же развернула перед ним складной экран.

— Довольно тонкий угол наклона, верно?

Чжан Тяньсинь одарил систему улыбкой — той самой, с какой после героического преодоления безумного количества багов обнаруживаешь, что код чудом заработал; самодовольство в ней причудливо смешивалось с легкой ноткой обреченности. 996 вынужденно признавало: в некоторых вещах человеческая интуиция превосходит возможности машин, и это определенно

выходило за рамки простого сбора и анализа данных.

На экране появились вспомогательные линии, и при дальнейшем увеличении стало отчетливо заметно небольшое смещение верхней части тела Гун Сюмина.

— ...Не мог бы ты подобрать какое-нибудь более человеческое определение? — озадаченно протянул Чжан Тяньсинь. — Хотя нет, слишком человеческое получается... Впрочем, неважно.

Его поза таила в себе тонкое противоречие: дистанцию в общении он соблюдал едва ли не демонстративно, однако торс при этом подавался чуть вперед, к Юй Вэйчжэню, тогда как голова принимала прежнее подчеркнутое положение, а взгляд устремлялся в сторону свободы. Разница в росте у них была внушительная, и при съемке с поличным подобная осанка Гун Сюмина придавала ему оттенок свысока созерцательной бдительности.

— Я что, напридумывал лишнего?.. Если присмотреться, не такие уж они и близкие.

Он нахмурился.

Система не успела запечатлеть их лица анфас целиком, иначе оценить их скрытые настроения удалось бы точнее. Юй Вэйчжэнь же держался с неизменной безмятежной грацией: будь рядом Гун Сюмин, генеральный директор или простой блин — для него не было никакой разницы.

Чжан Тяньсинь с мученическим видом взъерошил волосы.

Ладно, идет всего лишь второй день, сюжет сам проявит себя. По крайней мере, он уже примелькался обоим тяжеловесам, а у 996 никаких дополнительных лазеек обнаружить не удалось. На сегодня хватит — уйдет пораньше, сядет полистать новости, чтобы лучше вникнуть в обстановку этого мира.

— Похоже, дела в этих сферах деятельности тебя весьма занимают.

— Они близки к порогу срабатывания предохранителя.

Подразумевалось, разумеется, вовсе не предпринимательство, а уровень предпреступности. Если так пойдет и дальше, придется вмешиваться и комитету по этике, и профсоюзам, проводить капитальную перестройку всей организационной структуры, распускать и заново тасовать подразделения дочерних компаний... Грандиозная кадровая перетряска, да и отдел кадров наступит на мину замедленного действия.

Последовало полное тревожного напряжения молчание, окутавшее всю машину, и лишь затем Гун Сюмин заговорил вновь:

— Ты куда сильнее вовлечен в эту работу, чем я думал.

Юй Вэйчжэнь лишь усмехнулся, оставив реплику без ответа.

И впрямь, как и предполагал Чжан Тяньсинь, отношения «главного героя» и «злодея» в этом мини-мирке не ограничивались совместной службой в одном холдинге. Они оба окончили один и тот же университет, в пору специализации выбрали одного научного руководителя — их вполне можно было назвать сокурсниками.

Хотя близкими знакомыми они, конечно, не являлись.

Гун Сюмин придерживался четких ястребиных взглядов: начав свой путь в бизнесе плечом к плечу со старшими товарищами по исследовательской группе, он с самого начала с головой погрузился в доработку и обновление моделей прогнозирования преступности, получив соответствующий допуск и уровень секретности в РРС. Что же до Юй Вэйчжэня, если не считать его связей с патентным ведомством, информации о нем у Гун Сюмина было ровно столько же, сколько у любого другого.

Он лишь изредка поддавался мимолетному любопытству... причем частота этих «редких» моментов зависела от того, как часто они пересекались. За семь лет учебы — бакалавриат и магистратура — Гун Сюмин видел Юй Вэйчжэня ровно столько раз, сколько они случайно сталкивались в стенах кампуса. Юй Вэйчжэнь был старше на два курса и слыл любимым учеником их научрука, человеком нелюдимым и замкнутым. Ходили слухи о его влиятельной семье, а после выпуска он сразу же пошел на госслужбу по распределению. Спустя несколько лет, столкнувшись с ним в корпорации, Гун Сюмин испытал искреннее удивление. Не будь между ними этих рабочих уз, в лучшем случае они бы изредка попадали в один кадр на встречах выпускников.

Гун Сюмину претила сама мысль о том, что могло заставить его явиться сюда — в последние годы патентное ведомство неустанно твердило об угрозе личным правам со стороны искусственного интеллекта больших моделей, подогревая общественное недовольство и доводя противостояние почти до такого накала, когда оно грозило образовать жесткий клин с РРС и стоящим за ней департаментом общественной безопасности. В равной степени ему было непонятно и собственное праздное любопытство.

Пообщаться тесно им довелось лишь после того, как они пару раз случайно пересеклись на работе и обменялись контактами. Гун Сюмин пролистывал ленту Юй Вэйчжэня: там обнаружилась лишь пара-тройка пейзажных снимков. А вот на аватарке стоял он сам — профиль, пойманный сквозь оконное стекло. Композиция, игра света и тени, да и само лицо выглядели настоящим произведением искусства, так что поначалу аватарка казалась ему смутно знакомой — мало ли какие стильные мужские портреты гуляют по сети. Но в один прекрасный день его вдруг осенило: он зашел в профиль, увеличил картинку и узнал те самые глаза. Когда Юй Вэйчжэнь прикрывал веки, формой они напоминали синицу.

Технический директор обычно не лез в общие дела, но в тот день от скуки он открыл систему

документооборота и целенаправленно заглянул в отдел патентной экспертизы. Вся лента пестрела однотипными уведомлениями об одобрении, и тут он вспомнил, что комитет по этике числится на аутсорсинге... точнее, является независимой структурой со статусом привязанного ведомства. Все сколько-нибудь крупные компании в сфере инновационных технологий обязаны иметь в штате внештатный комитет по этике и нанимать профильных специалистов, отвечающих за «этическую» сторону разработок — когда-то подобное требовалось разве что фармацевтическим гигантам. В эпоху больших данных продукты цифрового быта чаще всего критикуют за чрезмерное вторжение в частную жизнь, однако удобства, приносимые прогрессом, неизменно покупаются ценой перехода за «границу».

Он считал это неизбежным злом.

Но комитет стал всё активнее вмешиваться в кадровую политику... особенно после того, как несколько лет назад на общем собрании приняли проект новой редакции Закона о профилактике и наказании правонарушений, и РРС, прежде выполнявшая лишь вспомогательные функции, перешла к реальному осуществлению исполнительной власти. Всего за три месяца уровень преступности в двух экспериментальных районах центрального подчинения снизился на девяносто три процента; спустя полтора года распространения этой практики общественная безопасность по всей стране «вышла на новый рубеж, ознаменовав собой качественный скачок вперед на пути цивилизации и верховенства закона». Именно тогда комитет по этике и начал вставлять палки в колеса — действовал он изо щренно и крайне дипломатично.

Ах да, «предохранитель».

Подобные умозаключения казались Гун Сюмину существенной софистикой... банальной стрельбой по заранее нарисованным мишеням. Никто лучше них, технарей, не знал, как именно повысить «точность» алгоритмов; на практике же большие языковые модели перед запуском проходят долгий путь отладки, обучения и жесткой программной фильтрации, а пресечение ложных срабатываний и «радикальных» отклонений заложено в их базовую логику и неустанно подчеркивается при каждом общении с публикой. Он не разделял тревог патентного ведомства насчет подрыва общественного доверия: во-первых, на сегодняшний день не существовало никаких реальных фактов, доказывающих расширительное толкование оценки склонности к преступлениям — любые колебания по-прежнему оставались в пределах расчетной погрешности модели; во-вторых, действия патентного ведомства — этого самого «комитета по этике» — носили слишком целенаправленный характер, и под жесточайшим контролем оказывались прежде всего такие компании, как их собственная, занятые в сфере новейших технологий. Ни кадровая текучка, ни запуск новых научно-исследовательских проектов, ни вывод продукции на рынок не обходились без прохождения бесконечных кругов согласований.

Конечно, нельзя было сказать, что втиснуться сюда трудно, а выбраться еще труднее — под дамокловым мечом «предохранителя» вся хозяйственная деятельность продолжала идти своим чередом. Гун Сюмину просто претило само это ощущение, это липкое чувство невидимого взгляда, сковывающего по рукам и ногам.